

Глава 6. Подпольщики и партизаны. Правда и домыслы

История, по словам Вольтера, есть всего лишь собрание общепринятых сказочек. Так он говорил в отношении древней истории. Суждение знаменитого мыслителя можно, судя по всему, перенести и на события новейшего времени. Я имею в виду, в частности, историю сопротивления Смелы фашистским оккупантам – историю подпольного и партизанского движения в Смелянской местности. Это – то недавнее прошлое, которое пережили мои родители, старшие предки и близкие люди; прошлое, свидетелем которого был и я сам.

Имея многолетний опыт исторических исследований, а еще имея возможность оценивать дела минувших дней не с чужих слов, а собственным, непредвзятым анализом; лично зная многих непосредственных участников подполья и партизан, – попытаюсь разобраться в новом предмете моего внимания и отделить в накопившемся материале здоровые зерна от плевел.

Как складывалась историография борьбы смелян с врагом?

В ней просматриваются несколько периодов.

1. Период оккупации.

Надежные документальные источники по излагаемой теме, составленные в это время, практически отсутствуют. Действительно, кому могло тогда прийти в голову по горячим следам фиксировать (для истории!) акты местных подпольщиков и партизан? В то мрачное время в уме патриотов в первую очередь держалось другое – наносить как можно больше урона фашистам и при этом... оставаться в живых.

2. 1944–1960 годы.

Аналогичная ситуация продолжает сохраняться и после освобождения города от немцев, а затем, в течение длительного времени, и после войны. Специально документировать действия бывших подпольщиков и народных мстителей во время оккупации по-прежнему никто не думает. Неслучайно, наверное, за все годы учебы в школе (где, должен заметить, придавалось большое значение патриотическому воспитанию молодого поколения), я здесь каких-либо разговоров или толков о подполье на станции, о смелянских партизанах ни разу не слышал! Как будто их и не было! Прокормиться бы, заживить бы раны, полученные под немцами, восстановить бы скорее свои хозяйства – вот чем были озабочены все в те голодные годы...

Большинство участников антифашистского подполья и партизанского сопротивления еще живы, скромно ходят среди нас, ничем особенным от других не отличаются и никого не удивляют... Нет недостатка и в свидетелях выступлений участников сопротивления. Все знают, кто кем был и что кто делал в оккупации.

Историю борьбы смелянских жителей с оккупантами сохраняют лишь устные рассказы свидетелей и участников событий.

Письменные источники об этих событиях практически отсутствуют, и вероятность их появления с каждым годом убавляется.

3. 1961–2008 годы.

Период формирования основного массива письменных источников.

Всё дальше уходят в прошлое лихие военные годы, всё больше стираются в памяти дела минувших дней, всё меньше остается в живых героев того времени. Казалось, что мы уже ничего нового о войне не узнаем...

Летом 1961 года в Смеле прошли слухи, будто органами государственной безопасности разоблачена и арестована группа бывших местных полицаев. В то лето я проводил отпускное время у родителей в Малой Яблоновке и, уезжая домой в Москву, не мог сдержать удивления. Как же так? Вроде бы все предатели, которые не ушли с отступавшими немцами, были после освобождения Смелы сразу же задержаны, осуждены, отбыли за-

служенное наказание и, вернувшись из заключения, давно уже тихо-смирно поживали своей жизнью...

Следствие по делу длилось долго. Наконец в мае 1962 года в Смеле состоялся выездной открытый процесс военного трибунала Киевского военного округа. В результате четверо мерзавцев, причастных к пыткам и расстрелам множества смелян, – начальник смелянской полиции и трое его ближайших подручных – были полностью изобличены и приговорены к расстрелу.

Ход предварительного следствия и судебного разбирательства этого дела освещались в газете «Черкаська правда». Именно тогда были впервые озвучены и задокументированы фамилии ряда смелянских патриотов-подпольщиков и их истории. Материалы громкого судебного процесса составили, можно сказать, первый круг «документальных» источников историографии нашего вопроса. Слово «документальных» пишу в кавычках, так как источники составлялись спустя два десятилетия после уже изрядно подзабытых событий.

После опубликования материалов упомянутого дела источники, содержащие сведения о смелянских подпольщиках и партизанах, стали «плодиться и размножаться» с нарастающей скоростью. За неполных полвека накопилась целая их библиотечка. Тут – издания самых разных жанров: исторические, краеведческие, мемориальные, справочные (путеводители), литературно-художественные (повести, сборники рассказов и воспоминания непосредственных участников событий, очерки)...

Привожу главные из них в хронологическом порядке выхода в свет в нижеследующей сноске²¹⁴.

4. Последние годы.

Сейчас, несмотря на облегчение поисков информации в интернет-пространстве и в прежде недоступных архивных фондах, новых, стоящих внимания источников по обсуждаемой теме, не встретить. Если же всё-таки время от времени публике что-то и предьявляется, то это «новое» оказывается таковым лишь для авторов «открытий». На ниве подобных изысканий упражняются обычно безусые, с ущербным образованием, «краеведы» да не имеющие понятия о настоящей исследовательской работе доморощенные, самозванные «историки».

²¹⁴ 1. Черкаська правда – Черкаси: Виродки будуть покарані. – 1961, 29 липня. Підлі вбивці на лаві підсудних. – 1962, 12 травня. Заключне засідання військового трибуналу. – 1962, 15 травня.

2. П.Ф. Автомонов. Так рождались звезды. Повести. – Київ, 1963.

3. Історія міст і сіл УРСР. Черкаська область. – Київ, 1972.

4. Л. Беренштейн. Без виз и паспортов. – Киев, 1973.

5. В.П. Скоробогатов. Сміла. – Дніпропетровськ, 1976.

6. Л.Е. Беренштейн. Зона бури. – Киев, 1976.

7. Г.М. Гончар. Заграви над Тясьмином. – Київ, 1978.

8. Виктор Кондратенко, Леонид Беренштейн. Через черную топь. – Киев, 1979.

9. Николай Печененко. Опаленная судьба: повесть. – Киев, 1984.

10. Первая на Украине. Путеводитель по музею Одесской железной дороге. – Одесса, 1989.

11. С.Е. Гайван. С именем Кобзаря. – Днепропетровск, 1991.

12. С.С. Гайван. Сміла. Путівник. – Сміла, 1992.

13. Г.М. Гончарь, М.З. Тимко. Партизани Холодного Яру. – Дніпропетровськ, 1995.

14. Невмирущий подвиг смелян. До 50-річчя Перемоги у Великій Вітчизняній війні. – Черкаси, 1995.

15. Книга Пам'яті України. Черкаська область. 6 том. – Київ, 1996.

16. Микола Тимко. Холодноярці. Спогади партизана. – Дніпропетровськ, 1997.

17. В.С. Княжев. Смілянщина. – Сміла, 1998.

18. В.С. Княжев. Адреса долі – Смілянщина моя. – Сміла, 2000.

19. Валентин Хижняк. Чотири вóрони. – Черкаси: Брама-Україна, 2004.

20. М.І. Бушин, Г.І. Березняк, А.І. Лисенко. Велика Вітчизняна війна 1941–1945 років та Черкащина.

Книга друга. Братські могили. – Черкаси, 2005.

21. Інтерв'ю Л.Ю. Беренштейна в записи Г. Койфмана. 2007–2008. Беренштейн Леонид Ефимович - Я Помню. Герои Великой ...

22. Наградные листы на партизан отряда им. Пожарского. Сайт [Подвиг народа](#).

23. Сайт «Помните нас!» <http://www.pomnite-nas.ru/index.php>.

Очевиден вывод: элементы правды о сопротивлении Смелы оккупантам имеет смысл искать лишь в пределах того круга источников, которые только что названы в сноске. Эти, собранные мною почти за полвека, материалы хранятся в моем личном архиве.

Прежде в обстоятельном изучении этих носителей информации у меня нужды не было. Обращался я к ним редко – обычно ради любопытства по какому-то частному случаю. Но с недавней поры, когда настал черед разобраться в предмете, пришлось штудировать их основательно – они сделались у меня настольными пособиями.

Сколько раз я перечитывал, просматривал, дотошно анализировал эти материалы! Навести в рассматриваемой истории некоторый порядок, найти в массе сбивчивых сведений определенность, вычленив из них не зараженную домыслами и искажениями, достоверную сторону – всё это казалось мне вполне посильной задачей. А как же? Ведь я был свидетелем, хоть и малолетним, минувших событий; долгое время жил в окружении скромных героев сопротивления; прекрасно знал историю и географию местности... Хорошо знал многих авторов названных источников – одних лично, других по их трудам²¹⁵, – знал, на что каждый из них способен...

Чем больше я погружался в проблему, тем больше вопросов у меня возникало к авторам писаний. Тратя массу времени и усилий, я всё больше запутывался. Неувязки, противоречия, домыслы, предвзятость, преувеличения, недомолвки, умышленные искажения – всё это я встречал буквально на каждой странице перечисленных выше опусов... И наряду с этим – пренебрежение архивными документами²¹⁶. А чего еще можно было ожидать от авторов советского периода – школьных учителей, журналистов, профессиональных партийных работников²¹⁷? Главное у них – следовать линии «партии и правительства» и – никакой самостоятельности! Невелик спрос и с безответственных, сговорчивых литературных «помощников», которых действительные герои сопротивления, за недостатком у себя творческих способностей, приглашали расписывать художественными красками их запоздалые воспоминания²¹⁸...

Сейчас, в мои годы, затею радикально выправить исследуемую здесь историю я должен признать неподъемной и не стоящей свеч. Потому коснусь лишь некоторых частных ее моментов.

Для начала, чтобы вернее оценить имеющиеся материалы о борьбе с немецкими захватчиками, чтобы понять, насколько партизанские авторы честны перед историей, познакомимся ближе с двумя ведущими партизанскими «летописцами». Я имею в виду Гончаря и Беренштейна, претендующих своими «мемуарами» [4, 6–8, 13, 21] на истину в последней инстанции. Оба – фигуры неоднозначные. В их биографиях порядочно и белых, и темных мест.

Гончарь Григорий Михайлович (отчество по наградному листу 1945 года).

Родился, по его словам, в городе Кировограде в 1916 году [13, стр. 107]²¹⁹. Национальность: **русский**. Партийность: **беспартийный**²²⁰.

Окончил 8 классов. В молодости работал на Кировоградском заводе. Комсомольский активист и секретарь заводской многотиражки. В 1937 году призван в армию. Окончил

²¹⁵ Некоторые из этих работ дарены мне с авторскими автографами.

²¹⁶ Если не считать формальных, заимствованных друг у друга, ссылок на партийные архивы.

²¹⁷ С некоторыми из них (Княжев, Гайван, Махаринец) читатель мог уже встречаться в первой Книге I моей трилогии и составить представление о стиле их «работы».

²¹⁸ Таковы, к примеру, А.В. Русак, делавший «литературную запись» книг Л. Беренштейна «Без виз и паспортов» и «Зона бури», а также маститый В.А. Кондратенко, «поэт и сценарист», а во время войны «военкор». Кондратенко, не имевший никакого отношения к партизанскому движению на Смелянщине, записан соавтором книги того же Беренштейна «Через черную топь».

²¹⁹ Здесь и далее первая цифра в квадратных скобках – номер источника вышеприведенного списка в сноске 200.

²²⁰ Сведения о национальности и партийности приводятся здесь по наградному листу 1945 года.

полковую школу пулеметчиков [13, стр. 107]. В 1939 году был будто бы «направлен на учебу в Московское военное училище им. Ленина» [13, стр. 107], однако в следующем, 1940-м, году мы его видим уже на курсах «начальников полковых школ»²²¹. Выходит, в Военно-политической академии, которая здесь имеется в виду, Гончарь не учился! Ведь продолжительность обучения в академии составляла тогда 4 года, и он должен был закончить ее только в 1943 году! К началу войны имел звание не выше старшего лейтенанта²²².

Боевое крещение получил в июле 1941 года в Белоруссии, под Могилевом. Занимал в то время должность комиссара полка²²³. Был ранен, попал в окружение. Плена избежал. Пробиваться к своим, переходить через линию фронта, не стал. Решил остаться на оккупированной территории и идти в знакомые места на Кировоградщине. Прошел лесными дорогами большую часть Белоруссии и несколько областей Украины – около тысячи километров. Как долго добирался «домой» наш окруженец, он нигде и никогда не говорил.

Чем занимался после прибытия в родные края в течение почти двух лет? С его же слов: искал родственников, лечил раненую руку, мыкался по разным работам. Трудился в совхозе Каменского сахарного завода, сторожем на какой-то конюшне, в слесарной мастерской колхоза в Завадовке под Жаботином... **Участвовал** в организации явочной конспиративной квартиры, в установлении контактов с подпольной группой; познакомился с семьей советских патриотов. И еще: долго уговаривал группу евреев, прятавшихся на чердаке конюшни, что это «не лучшее место укрытия от врага» [13, стр. 107–109]. «*Результаты рискованной напряженной работы*» нашего подпольщика, прямо скажем, скромненькие! По всей видимости, боевой офицер и кадровый политрук на протяжении почти двух лет в тылу просто отсиживался.

Только в конце августа 1943 года Гончарь оказался в партизанском отряде им. Сталина, который базировался в лесу Холодного Яра...

Из характеристики на Гончаря, выданной командиром отряда Дубовым²²⁴: «... Состоял в должности партизана... Был освобожден от всяких работ, занимался **исключительно** сборанием и обработкой материалов по истории борьбы отряда с немецкими захватчиками».

Да, сознается Гончарь, «меня считали, так сказать, писателем отряда». Почему появившийся в отряде армейский офицер, уже имевший боевой опыт, не использовался в партизанских операциях? Смею думать, что ему, новичку с не совсем ясным прошлым, не доверяли.

Приводя справку Дубового, «писатель» вместе с тем не постеснялся его поправить: он, дескать, в отряде всё же воевал, и, можно сказать, даже совершил «подвиг».

Но сначала вернемся в 1978 год. Обратимся к только что вышедшей в свет книге Гончаря «Заграви над Тясьмином». О себе, о своем пребывании в отряде, в ней – ни слова. Зато сведений о других членах отряда в книге – множество. Сотни фамилий, имен, биографий, описания боевых выступлений... Мы обратим внимание на следующий рассказ [7, стр. 155–157].

Осень 1943 года. Партизанская застава на краю леса около **Завадовки**. В двух километрах от села, в степи, падает подбитый где-то зенитным огнем вражеский **бомбардировщик** «Юнкерс-88». Это видно с заставы. **Двое** партизан, вскочив в седла, бросаются к самолету. Одного члена экипажа, кинувшегося навстречу, уложили выстрелом из карабина, второй сдался в плен. К самолету прибегает еще одна «группа партизан во главе с политруком» (как же без него!); за нею, в подмогу, высылаются даже целый взвод. Общими уси-

²²¹ [Гончарь, Григорий Моисеевич — Википедия.](#)

²²² Это звание значится в наградном листе 1945 года.

²²³ Не совсем ясно, как мог старший лейтенант, при этом беспартийный, занимать такую должность. Обычно ее занимали политработники в звании полковника.

²²⁴ Дубовой Петр Антонович.

лиями (без подходящих инструментов!) сняли с него рацию, аккумуляторы, вооружение²²⁵, боезапас, и всё это доставили на базу...

А вот рассказ, опубликованный тем же Гончарем в 1995 году [13, стр.109–111].

Та же **осень 1943 года**. Двое партизан – Гончарь с напарником²²⁶ – посланы командованием отряда в разведку. Под плащами – карабины... Проходят **Завадовку**... Вокруг поля... Вдруг из-за леса выныривает вражеский **истребитель**. «Залпом пли!» – командует Гончарь (он старший в паре). Оба, иначе и быть не может, – отличные стрелки. После нескольких выстрелов самолет резко снижается и валится на землю. «Ура!» Скорее к самолету! **Два летчика**, увидев подбегающих, отстреливаются из пистолетов, бегут прочь и вскоре скрываются в лесу²²⁷. «Прекрасный подарок командиру!» Но как быть без транспорта? Однако же «рояль в кустах» нашелся – «пароконная телега у дороги». Пригнали ее к самолету, вырубил топорами (нашлись и они!) «вмонтированные в крылья пушки», сняли «турельный пулемет», комплект снарядов, патроны и, погрузив трофеи на телегу, помчались в отряд...

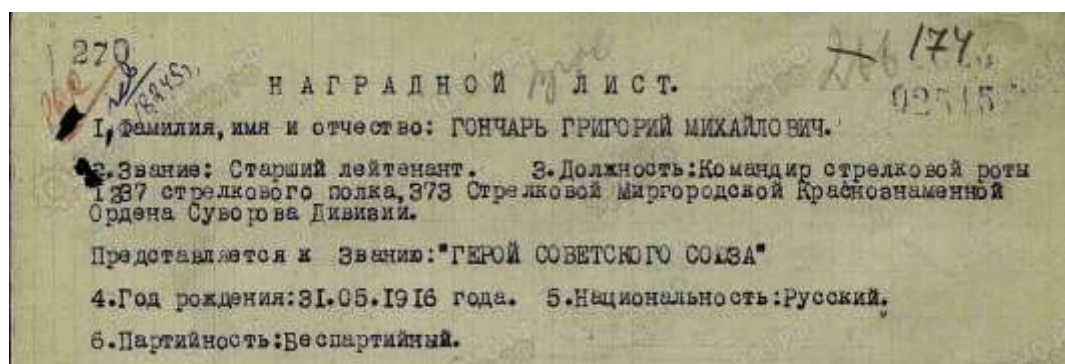
Вот он, тот самый геройский «подвиг»!

Хотите – верьте «писателю», хотите – нет!

Лично я полагаю, что Гончарь бессовестно врет. Он просто умышленно переиначил в свою пользу историю, изложенную им в 1978 году и не имевшую к нему никакого отношения! В том году из-за риска быть уличенным во лжи он еще не надумал извращать ее в свою пользу. Но на склоне лет своих, в 1995 году, победило тщеславие, стремление к почестям любой ценой. Теперь можно было лишний раз и повеличаться. Ведь кто теперь, спустя более полувека после описываемого события, решится проверять, ловчит ли он, заслуженный ветеран войны?..

Миссию Гончаря в отряде Дубового удачной не назовешь. 5 января 1944 года, когда в расположение партизанской базы ворвались немцы, он был ранен. Через день – опять беда. Во время штурма партизанами немецкой обороны на Тясмине тонут сани с материалами по истории отряда, которые собирались «писателем». Бóльшая их часть была потеряна.

С переходом отряда на сторону Красной армии Гончарь направлен в госпиталь. После излечения, как долго находившийся на оккупированной территории, прошел фильтрационную комиссию, был восстановлен в звании и направлен в действующую армию. Командовал ротой. Отличился при форсировании реки Одер²²⁸, за что ему было присвоено звание Героя Советского Союза (до этого никаких наград не имел).

54. Фрагмент наградного листа на Гончаря Григория Михайловича.

²²⁵ Одну пушку, один пулемет, а затем еще и «пулеметную установку». Из рассказа видно, что Гончарь толком не знает ни количества членов экипажа на «Юнкерсе-88», ни типа и количества устанавливаемого на таком самолете вооружения...

²²⁶ Офицером Красной армии, побывавшим в плену.

²²⁷ Странно, что два наших «ворошиловских стрелка» после того, как из карабинов «сбили» фашистский истребитель, не смогли попасть в убегавших летчиков. И это, замечу, с расстояния пистолетного выстрела!

²²⁸ Несмотря на тяжелое ранение, умело закрепился со своей ротой на захваченном плацдарме, проявил личную отвагу и стойкость. Для справки: за форсирование Одера звание Героя Советского Союза тогда было присвоено 313 воинам.

После окончания войны продолжил службу в Вооруженных Силах. В запас вышел подполковником. С 1962 года – в запасе. Проживал в Ивано-Франковске. Там же в 1998 году умер и похоронен.

Последний штрих к неприкрашенному портрету Гончаря.

В какое-то время после войны с ним вдруг происходит примечательная метаморфоза – он обнажает свое истинное лицо. Гончарь, прежде **русский** и по отчеству **Михайлович**, становится... **Моисеевичем** и объявляет себя... **евреем!**

Многое теперь в его биографии становится на свои места...

Беренштейн Леонид Ефимович.

Родился в 1921 году в бывшем еврейском местечке Шпикове (ныне поселок Шпиков в Винницкой области). Еврей. В 1941 году окончил пехотное училище. Войну 20-летний лейтенант встретил под Белокоровичами²²⁹ в должности начальника штаба 226-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона²³⁰. Отступал на восток вместе с 195 сд, которой командовал якобы «подполковник Михайлов»²³¹. Побывал в окружении под Черниговом, но в конце концов, после разгрома там дивизии, оказался в Полтавской области, в районе Оржицы²³². Был здесь ранен...

Все эти сведения записаны со слов ветерана в 2007 году [21]. Но единожды солгавший, кто тебе поверит?

Беренштейн, похоже, ранение под Оржицей[8, стр. 5, 6] себе приписал, равно как и контузию 23 ноября 1944 года в Словакии[6, стр. 138], после которой, уже после войны, будто бы «еще два года скитался по госпиталям с перебитыми позвонками и ходил на костылях» [21]. Действительно, по официальному документу (наградному листу на Беренштейна от 5 декабря 1944 года, то есть после якобы полученной контузии), он «ранений и контузий в Отечественной войне не имеет».

55. Фрагмент наградного листа на Беренштейна Леонида Ефимовича.

Следим за нашим сочинителем дальше.

Беренштейн, как и его собрат по несчастью Гончарь, не пробивается к своим, к линии фронта, а решает остаться на оккупированной территории и «партизанить». Он идет в сторону Черкасс, благо к ним каких-то полсотни километров, и в конце концов добирается до

²²⁹ На северо-западе Житомирской области.

²³⁰ В действительности это был отдельный 226-й пулеметный батальон (см. ниже наградной лист на Беренштейна).

²³¹ И здесь Беренштейн привирает. Сейчас нетрудно установить, что указанной дивизией тогда командовал вовсе не бывший преподаватель Беренштейна в училище «подполковник Михайлов», а генерал-майор Несмелов Виталий Николаевич.

²³² В каких-то 50-ти километрах от Черкасс.

нашей, смелянской, Терновки. Эта его маленькая, продолжительностью в какую-то неделю-другую, одиссея заполнена впечатляющими «происшествиями». Он якобы дважды побывает в руках врага, но каждый раз спасается. В первый раз убегает из Черкасского фильтрационного лагеря, потом, в Белозерье, оставляет с носом полицаев, которые вели его уже на расстрел. А переход его из Балаклеи в Терновку покажется местному жителю, знающего свои окрестности, низкопробной байкой²³³.

Примерно с ноября 1941 года, после получения справки от терновского старосты, что «он терновский» и по ней паспорта в Смеле, Беренштейн устраивается на работу на Бобринской и становится подпольщиком. В очередной раз будто бы был схвачен гитлеровцами, побывал в гестаповской камере пыток, но и теперь ему удалось бежать, перемахнув через ограждение из колючей проволоки – точно так, как он бежал когда-то из Черкасского лагеря²³⁴...

К партизанам Беренштейн попал лишь спустя полтора года после того, как начал их искать в лесу под Балаклеей осенью 1941 года. Что-то долго длились поиски! Лишь в начале августа 1943 года он, с группой подпольщиков станции Бобринской, находит холодноярский партизанский отряд Дубового. Пришедших, после соответствующей проверки, официально зачисляют в партизаны. Впрочем, Беренштейн у Дубового не продержался и месяца. Отношения честолюбивого, склонного к своеволию, лейтенантика с опытным в военном деле командиром отряда сразу не заладились. При первой возможности Беренштейн и еще несколько его товарищей по подполью на станции тайно (за спиной у Дубового!) перебегают к парашютистам Д.Ф. Горячего²³⁵. Те несколькими днями до этого были десантированы в районе расположения отряда Дубового, а затем перебазировались в Сунчанский лес.

Дубовой, обнаружив у себя потерю личного состава, пошел к Горячему разбираться, что к чему. Цитирую Беренштейна:

«„Ну что, Дмитрий? Ты зачем моих разведчиков увел?!“ ... „Да я вообще не знаю, где они? Они же у тебя на задание группы ушли!“

А я в это время сидел в землянке и слышал весь этот разговор» [21].

Разбирать по «писаниям» Беренштейна [4, 6, 8, 21], как он воевал, будучи начальником штаба отряда Горячего, а затем, после соединения с Красной армией, командуя партизанским отрядом в Польше и Словакии²³⁶; чем занимался и как он вел себя в послевоенное время; как наживал себе (не без помощи своих единоплеменников!) звание «Героя без Золотой Звезды» и имя «одного из лучших командиров партизанских формирований»; – разбирать всё это я не стану. Слишком длинный получится разговор. Скажу лишь, что история Беренштейна в большей части своей представляет собою набор бесстыдных, плохо прикрытых хвастовством, рассказней.

Природная сущность Беренштейна стала особенно проявляться после переезда его в 1993 году на постоянное жительство в Израиль. Тщеславие, обида, зависть заговорили в нём с новой силой. Дескать, на его «личном боевом счету 8 пущенных под откос немецких эшелонов» [21]. Вранье! Достаточно внимательно перечитать его книгу [8] и сопоставить

²³³ Беренштейн, искавший партизан где-то между Балаклеей и Смелой, теряет от слабости сознание. На него натывается женщина. «Кто ты, куда направляешься?» - «**Детдомовец** из Терновки, возвращаюсь с окопных работ», - отвечает **20-летний старший лейтенант**. Женщина, бывшая работница терновского детдома, узнаёт в нём... своего воспитанника. «Ой, я тоже иду в Терновку. Пойдем вместе!» Не смешно ли? В заключение этой ссылки замечу, что детдома в Терновке, по всей видимости, никогда не существовало. Мои попытки разыскать его следы расспросами старожиллов и розыском в документах успехом не увенчались.

²³⁴ Смешно читать, как наш герой, вырвавшись из тюремного двора, под свист свинцовых пуль **вскочил** сначала в большую цементную трубу... и **побежал**, затем **влетел** в другую большую, канализационную, трубу, пока не оказался на территории паровозоремонтного завода [8, стр. 136]... Такие вот трубы, оказываются, «прокладывались» немцами на Бобринской! Анекдот, да и только!

²³⁵ Горячий Дмитрий Филимонович, командир будущего партизанского отряда им Пожарского.

²³⁶ Организаторско-диверсионный отряд, высаженный десантом в Польше и возглавляемый Беренштейном, носил то же название, что и отряд Горячего – отряд им. Пожарского.

описанные там случаи с информацией из других источников, чтобы убедиться: лично Беренштейн подорвал лишь 2 эшелона! А еще у него будто бы «42 подорванных эшелонов в группе» [21]. Тоже грубая ложь: таких эшелонов набирается не более 3-х!

В последние два года войны он якобы дважды представлялся к званию Героя Советского Союза, но каждый раз наградные документы клались «под сукно»²³⁷. Именно его отряд достиг уникального боевого успеха – «обнаружил испытательный секретный полигон для запуска ракет ФАУ-2» в Польше и способствовал его уничтожению, о чем «даже упомянуто в переписке Сталина и Черчилля» [21]. А чего сто́ит мифическая «операция в Австрии, проведенная в конце войны», в которой Беренштейн проявил личный беспримерный героизм [21]! Почему его тогда не наградили, почему об операции никто не знает? А она, мол, до сих пор не рассекречена!

Только в конце жизни Беренштейн особо выделяет группу партизан, которые мужественно сражались с врагами рядом с ним. Разумеется, все – «свои», евреи! Григорий Вольштейн, Михаил Имас, Григорий Бондаренко, Борис Зисман, Михаил Ревзон, Борис Батенко, Григорий Гончарь [[Живая легенда - МК Израиль](#)].… Отмечает своих и «писатель» Гончарь: Бориса Батенко, Бориса Зисмана, Григория Вольшшена, Моисея Ревзона, Романа Шермана²³⁸ и, конечно же, Леонида Беренштейна. Последний у него, естественно, коммунист²³⁹ [7, стр. 90, 161].

Свой свояка видит издалека!

Теперь, узнав ближе наших запевал, проще понять, как они и их последователи лепили свою историю сопротивления оккупантам.

Вот несколько характерных ее эпизодов, о которых я слышал в семье и по которым у меня сложилось собственное мнение.

1. Дерзкая операция.

Тут имеется в виду операция по захвату штаба немецкой военизированной организации.

Первое, скупое и не совсем внятное, ее описание находим у Беренштейна в 1973 году [4, стр.184–186]. За ним, в 1978 году, немногим конкретнее о ней рассказывает Гончарь [7; стр. 101–103]. Потом дважды, в 1979 и 2007 годах, теперь уже **со всевозможными подробностями**, ее снова живописует тот же Беренштейн [8, стр. 197–221; 21;].

Какова была цель операции? В 1973 году Беренштейн о ней не говорит. Но спустя несколько лет Гончарь придумывает, а за ним Беренштейн развивает следующую версию.

Осенью 1943 года, когда части Красной армии приблизились к Днепру, штаб партизанского движения при Военном совете 4-го Украинского фронта будто бы поставил отряду им. Пожарского задачу: немедленно разведать и сообщить данные о характере немецких укреплений на правом берегу Днепра.

Запрошенные сведения было решено добывать не на переднем крае, а в глубоком тылу врага, в Кировоградской области – в штабе немецкого инженерно-строительного батальона, где предполагалось найти необходимые документы. Был разработан план разгрома вражеского штаба, а для осуществления его отобрана специальная разведывательно-диверсионная группа бойцов. В нее, разумеется, были включены и хорошо владеющие немецким языком. На автомашине, переодетые в форму полевой жандармерии, с поддельным командировочным удостоверением о выполнении особого задания немецкого командования, смельчаки отправились в путь.

²³⁷ За какие такие подвиги и кем он представлялся к награде? Тайна окутана мраком...

²³⁸ Окруженец, политрук, выдававший себя за грузина Симона Гоглидзе.

²³⁹ Брехня! Судя по наградному листу, Беренштейн был кандидатом ВКП(б) с 1941 года, таковым оставался, по крайней мере, в течение всего периода своего партизанства – до 1945 года. А ведь в чрезвычайных условиях Великой Отечественной войны политорганам было разрешено принимать в члены ВКП(б) отличившихся в боях военнослужащих после 3-месячного кандидатского стажа. Почему Беренштейна не принимали в члены партии так долго? Решайте сами.

Гончарь и Беренштейн излагают историю каждый по-своему, во многом противореча друг другу и самому же себе. Уже одно это свидетельствует о том, что у них много, мягко говоря, неправды.

Путаница, искажения, преувеличения, измышления, фальшь у авторов партизанских «мемуаров» – во всём:

- в количественном и персональном составе группы; в именах, фамилиях рядовых членов группы и ее командиров²⁴⁰;
- в характеристике членов группы, владевших немецким языком²⁴¹;
- в названии и местоположении пункта, где был разгромлен вражеский штаб²⁴²;

²⁴⁰ Группа захвата по исходному источнику ([4]), 1973 год:

подпольщики станции Помошная и *«несколько поляков, переодетых в форму власовцев»*. Среди подпольщиков определенно был **Михаил Имас**, среди поляков – **Зигмунд Жулковский**. Полный состав группы не приводится.

Состав группы по Гончарю, 1978 год:

1. Иван Гаджиенко (командир группы). **2. Тимофей Литвинов** (заместитель командира по разведке холдоярского партизанского отряда им. Сталина, затем – в той же должности в отряде им. Пожарского; у Беренштейна он значится под фамилией **Литвин** и в описываемой операции участия не принимал). **3. Сабир Бекташев** (минер-подрывник в отряде им. Сталина, затем – в отряде им. Пожарского; у Беренштейна фигурирует под именем **Сергей** Бекташев и в описываемой операции не принимал). **4. Виктор Благодарь**. **5. Иван Царенко**. **6. Григорий Вольшен** (поляк). **7. Водитель** автомашины (имя не указывается).

Всего – 7 человек.

Состав группы по Беренштейну, 1979 год:

1. Зигмунд Жулковский (командир группы, поляк). **2. Иван Гаджиенко**. **3. Иосиф Безродный** (водитель машины). **4. Михаил Имас** (румын). **5. Иван Царенко**. **6. Виктор Благодарь** (*«храбрый хлопец»*). **7. Ричард Броневский** (поляк).

Всего – 7 человек.

Состав группы по Беренштейну [21; первая часть], 2007 год:

1. Зигмунд Жулковский, он же **Вольштейн Григорий Нахманович** (командир группы, польский еврей). **2. Михаил Имас** (румынский еврей). **3. Григорий Броневский** (еврей, в 1979 году у того же Беренштейна он назывался **Ричардом Броневским** и был поляком). **4. Иван Царенко**. **5. Иван Гаджиенко** (водитель машины). **6. Иосиф Безродный** (водитель машины).

Всего – 6 человек.

Теперь, в 2007 году, спустя 28 лет после выхода в свет книги «Через черную топь», писатель оглашает существенное «уточнение» состава группы: **половина ее – евреи, а первый командир группы Гаджиенко, как видим, «понижен» в должности до водителя!**

²⁴¹ В исходном источнике ([4]) сведения о владевших немецким языком членах группы не приводятся.

По Гончарю ([7]) немецким языком *«хорошо владел»* только **Иван Гаджиенко**.

По книге Беренштейна ([8]) немецкий знал (*«как свой родной, румынский»*) лишь **Михаил Имас**.

А спустя три десятка лет у него, в интервью ([20]) знатоков немецкого уже трое: **Зигмунд Жулковский** (*«свободно говорил по-немецки»*); **Григорий Имас** (*«немецким владел в совершенстве, говорил на чистом берлинской диалекте, знал многие другие европейские языки»*); **Григорий Броневский** (немецким владел *«безукоризненно»*).

²⁴² По исходному источнику ([4]) – это **станция Малая Виска** в Кировоградской области.

По Гончарю – **город Александровка** Кировоградской области, в 180 км *«от Смелянского леса»*; по книге Беренштейна – **село Гапсино** *«от Помошной в восемнадцати километрах»*; по его интервью 2007 года – **село Гапсино** в 180 км от расположения партизанского отряда в Смелянском лесу (на Грековой горе и в 8 км от Балаклеи).

Ищем на карте Кировоградщины подходящие по названию и местоположению пункты. Находим: **город** областного значения **Александрия** (в 140 км от «Смелянского леса»); **районный центр Александровка** (рядом с железнодорожной станцией Фундуклеевка и в 60 км от «леса») и, наконец, **село Александровка** в Маловисковского района (менее 100 км от бывшей стоянки партизанского отряда).

Ни один из этих пунктов, как видим, полностью описанным авторами характеристикам не отвечает. Объяснение разногласия партизанских авторов я всё же нашел. Населенный пункт, где был разгромлен вражеский штаб, есть нынешнее **село** (не город!) **Александровка** Маловисковского района. Именно оно во время оккупации носило название **Гапсино**.

- в дате проведения операции, названии немецкой военно-строительной фирмы²⁴³;
- в описании захвата штабистов²⁴⁴;
- в судьбе плененных немцев²⁴⁵;
- в описании захвата документов²⁴⁶;
- в трофеях²⁴⁷;
- в географии местности²⁴⁸...

Беренштейн, долгое время «умалчивавший» детали излагаемой истории, в 1978 году, в книге «Через черную топь», вдруг растекается «мыслию по древу» – да так, что по предьявленному им рассказу можно было снять целый киносериал о партизанских разведчиках. Не менее захватывающий, чем всеизвестная картина «Подвиг разведчика»!

Добытая партизанами карта вражеских укреплений, по словам Беренштейна, позволила определить самое слабое место в обороне немцев на правом берегу Днепра и тем самым обеспечить успех захвата плацдарма в районе села Свидовок около Черкасс.

²⁴³ По исходному источнику ([4]) дата проведения операции **не приводится**, название немецкой воензированной строительной организации – «Тодт».

По Гончарю дата конкретна – **21 октября 1943** года, название немецкой военно-строительной части – **фирма ОТЕ**, ее командир – **инженер-полковник Шварке**.

У Беренштейна **дата не приводится**; строительная фирма называется **инженерно-строительным батальоном**; его командир – некий **подполковник**.

²⁴⁴ По исходному источнику ([4]) штабные офицеры были схвачены и обезоружены «*в один из субботних вечеров, когда начальство собиралось вместе с дамами в большом зале на втором этаже штаба и устраивало там вечера отдыха*».

По Горчарю штабисты были пленены и обезоружены **в кабинете инженер-полковника Шварке** (всего 11 человек: сам инженер-полковник, «*3 гауптмана и 7 обер-лейтенантов*»).

По Беренштейну немцы были схвачены **в банкетном зале здания школы села Гапсино**, в которой размещался штаб батальона.

²⁴⁵ По исходному источнику ([4]) «**сняли без шума**» часовых, стоявших у входа в штаб. Как поступили со штабными офицерами, не говорится.

У Горчаря **судьба** арестованных офицеров **неопределенна**.

У Беренштейна партизаны всех, попавшихся под руку немцев, отправили на тот свет. Всего было **уничтожено 18 человек** (среди них 1 часовой, комендант гарнизона, 2 обер-лейтенанта, «болевших желудком», и 14 офицеров-штабистов, находившихся в банкетном зале, и в их числе командира батальона).

²⁴⁶ В исходном источнике ([4]) об этом говорит единственная фраза: «**открыли сейфы с документами**».

По рассказу Горчаря, партизаны спокойно открыли забранными у немцев ключами **сейф** и забрали оттуда «**необходимые документы**» в самом здании штаба.

По Беренштейну диверсанты-разведчики захватили у немцев **два сейфа**. Вскрыть на месте их не удалось. Стальные хранилища доставили с приключениями в расположение партизанского отряда и только здесь, с немалым трудом, удалось их отомкнуть. В одном из них была «**карта днепровских укреплений**».

²⁴⁷ Исходный источник ([4]) о трофеях умалчивает.

По версии Гончаря: **обмундирование, боеприпасы и продовольствие**.

По данным Беренштейна: **оружие** (около 20 единиц); «**полный ящик**» немецких марок и... «**ящик с трюфельным французским коньяком**»!

²⁴⁸ Куда возвращались партизаны после захвата штаба, в исходном источнике ([4]) не говорится.

Элементы маршрута группы при возвращении из Гапсино в Смелянский лес по описанию Беренштейна:

1. Проехали будто бы **три районных центра**.

В действительности таковых было **два**: Малые Виски и Новомиргород).

2. Проскочили **Сердиновцы** [8; стр. 215]. (Это не описка и не опечатка: Сердиновцы встречаются у Беренштейна и в интервью 2007 года.)

Населенного пункта с таким названием по пути следования группы ни в Смелянщине, ни на Кировоградщине **никогда не было!** Прекрасно представляя местность на маршруте (в прошлом я ее изъездил на машине и исходил пешком вдоль и поперек), могу с уверенностью сказать: **Сердиновцы** Беренштейна – это известная станция **Сердюковка!** Писатель Беренштейн, как говорят в подобных случаях на Украине, возможно, только «чув дзвін, та не знав, де він».

3. После Малой Смелянки будто бы проезжали **Терновское лесничество**.

Но **возле села Терновки никогда не было ни леса, ни лесничества!**

4. Расстояние от Гапсино до Смелянского леса – **180 км**.

На самом деле **оно было раза в два меньше**.

По всем понятиям участники спецоперации должны были заслужить самые высокие награды. Однако о таких наградах никто ничего не слышал...

Выдающаяся операция наделала в партизанской среде немало шума. Разговоры о ней я слышал даже в нашей семье – еще в 40-х годах. О славном выступлении группы смельчаков рассказывал нам тогда наш Леонид Ревенко. Он знал дело не понаслышке, а из первых уст – от его героев, с которыми потом вместе партизанил почти целый год (сначала на Украине, затем в Польше и Чехословакии). Да, наши отчаянные парни прокатились на машине по немецким тылам; да, были среди них поляки, переодетые в форму немецких офицеров и знавшие немецкий язык; да, где-то к югу от Смелы совершили налет на немецкую часть; на обратном пути их обстреливали, но они благополучно, героями, вернулись на базу... Возвращались они, по рассказу Ревенко, через нашу Малую Смелянку, и это я отчетливо помню. Но вот что они у немцев захватили, какие трофеи привезли, дядя Лёня, если мне не изменяет память, не упоминал...

Напрашивается вопрос: действительно ли существовала та самая карта укреплений, ради которой партизаны якобы совершили беспримерный рейд по тылам? Говоря словами Горького: «А был ли мальчик-то, может, мальчика-то и не было?» К сожалению, ни Горчарь, уверявший, что он пользовался многочисленными архивными документами, ни Беренштейн достоверных данных об этом не приводят...

Похоже, что пресловутая «карта днепровских укреплений» – миф...

Наши сочинители, видимо, надеялись на то, что сообщаемые ими сведения проверить не просто: в период выхода их сочинений в свет живых участников партизанского движения уже практически не осталось и читателям останется принимать материал только с их слов... Ан нет! Свидетели мнимых подвигов «мемуаристов» всё же находились, и тогда их «творчество» подвергалось жестокой критике.

Особенно досталось Беренштейну, который в красках описал штурм отрядом им. Пожарского села Свидовок и присвоил себе «лавры» захвата этого правобережного плацдарма на Днепре²⁴⁹. Черкасские партизаны в один голос прямо говорили: **Беренштейн лжет²⁵⁰, отряд им. Пожарского никакого участия в штурме этого плацдарма не принимал²⁵¹!** Беренштейн, утверждали они, «давно начал фальсифицировать историю Великой Отечественной войны с целью присвоить себе „героя“ в битве за Днепр». «На торжественной встрече в селе Свидовок, посвященной 40-летию битвы за Днепр, партизаны и десантники во всеулышание назвали книгу Беренштейна „Через черную топь“ издевательством над партизанами, которые остались в живых и надругательством над памятью погибших, чьи дела и подвиги Беренштейн присвоил себе», – жаловался в 1983 году в письме секретарю Коммунистической Партии Украины В.В. Щербицкому известный руководитель партизанского движения на Черкасщине С.Н. Палёха...

Да простит меня читатель за этот пространственный анализ литературных «трудов» Гончаря, Беренштейна и им подобных, не совсем уместный в жанре личных воспоминаний.

Я нисколько не отрицаю их заслуг перед Родиной – заслуг не мнимых, а действительных. Я руководствовался лишь одним желанием – во имя истины обнажить ложь и расставить точки над «і»...

2. Загадочный Бондаренко.

Григорий Бондаренко, так его называет Беренштейн [8, стр. 70, 71, 75, 89–93], работал переводчиком в комендатуре на Бобринской. Как он попал на службу к немцам, никто не знал. Многое в его поведении казалось непонятным и противоречивым. Местные подпольщики сумели привлечь его к сотрудничеству. «Пан переводчик» сразу же оказал им

²⁴⁹ Он был тогда начальником штаба партизанского отряда им. Пожарского.

²⁵⁰ [Краткая история партизан Черкасского района УССР | SmolBattle.](#)

²⁵¹ И это доказывают проверенные, официальные источники (смотри, к примеру, [3, стр. 60]).

ценнейшие услуги. Во-первых, он сообщил им о предстоящих в ближайшую ночь в Смеле, на станции и в ближайших селах массовых облавах и обысках; ознакомил их со списками лиц, которых немцы собираются выловить; наконец предупредил о прибытии в скором времени в район Смелы подготовленных, прошедших специальную школу, тайных доносчиков... Эти сведения многим тогда спасли жизни...

Немцы, по рассказу того же Беренштейна, будто бы раскрыли его связь с подпольем, арестовали и собирались расстрелять. Ему удалось бежать, и его след потерялся. Полицай, однако, «его нагнали и на месте шлепнули» [8, стр. 92].

Иная версия этого эпизода сложилась у меня по семейным преданиям и рассказам дяди Леонида Ревенко.

Да, в комендатуре (не то в Смеле, не то на станции) служил некто²⁵². Да, был он связан с подпольщиками и партизанами, предупреждал их об опасностях, снабжал бланками разных документов и пр. Да, был заподозрен немцами в подрывных действиях... Но! Ареста никакого не было: он вовремя успел уйти в лес, надеясь встретить партизан.

Наткнулся на первый партизанский дозор, а там его кто-то «опознал»: «Ах ты, гадина фашистская! Попался!» И тут же его – в расход. Долго сокрушался командир отряда, пришедший на место инцидента. «Ой, хлопцы, что же вы наделали! Это же наш человек!» О секретной миссии партизанского агента в немецкой комендатуре никто в отряде, кроме командира, не знал...

Так что законспирированного подпольщика «шлепнули», по-видимому, вовсе не полицай, а свои... Бывало и такое...

3. Легендарный Батенко.

Имя этого подпольщика прозвучало спустя 35 лет после его «гибели».

*1978 год. Подпольщика Батенко впервые называет Гончарь [7, стр. 66].

Рассказ автора лаконичен. Коммуниста **Бориса Львовича Островского, в прошлом партийного работника Белоруссии**, во время оккупации судьба заносит на Бобринскую. Тут он, уже под именем **Бориса Батенко**, работает в **кондукторском резерве** и призывает товарищей физически уничтожать фашистов. Однажды выходит на железнодорожное полотно с **самодельной миной**. Раздается взрыв и нагруженные танками платформы рушатся под откос. Позже, во время попытки совершить еще одну диверсию, он погибает.

Всё! И никаких ссылок на первоисточники!

*1979 год. Беренштейн сообщает о подпольщике яркие подробности [8, стр. 69, 70, 121, 122, 128–130].

Борис Батенко работает на станции **кондуктором. Коммунист. У него фашисты убили жену, замучили двух дочерей**, и он мстит врагу. Однажды, летом 1943 года, в парке минирует состав специальной **маломанитной миной**, которая взорвавшись на перегоне, «грохнула» **четыре цистерны**. Готовился и ко второй диверсии, однако по неосторожности, перенося мину в кармане, подорвался сам.

Слово – Беренштейну²⁵³:

«...Вышли мы вместе. Впереди на некотором расстоянии шел Батенко. Он шел ровным, спокойным шагом, по привычке слегка размахивая кондукторским фонарем. Признаться, я позавидовал его исключительной выдержке. Батенко уже приблизился к перрону, и тут случилось несчастье. Шагая по шпалам, он неожиданно споткнулся, наступил на полу не в меру длинного плаща²⁵⁴ и упал на рельсы. И в это же мгновение ослепительная вспышка подбросила Бориса. Из рук его вылетел фонарь. Серый плащ затрепетал, как парус, и накрыл уже неподвижного Батенко.

²⁵² Его настоящую фамилию теперь уже не установить.

²⁵³ Он вместе с напарником был якобы свидетелем драмы.

²⁵⁴ Напрашиваются вопросы: какой же длины должен был быть плащ, чтобы споткнуться о его полу, и зачем было его одевать в середине лета, в бездождье – когда только что в небе летал самолет и по нему стреляли зенитки?

Взрыв произошел на глазах у станционных жандармов и солдат, которые высыпали из только что прибывшего эшелона».

Взрыв, как видим, произошел «на рельсах», до выхода на перрон и станционную площадь.

Настоящее имя героя Беренштейн не называет.

***1991 год.** Гайван придумывает кондуктору Батенко еще одно имя [11, стр. 23–24]:

*«Сейчас установлено, что Батенко – это один из довоенных секретарей Барановичского обкома партии **Б.Х. Зелинский**. Как он оказался на нашей станции, пока остается тайной, которую он унес с собой, подорвав себя миной, будучи окруженным врагами у входа в вагонное депо. О его подвиге железнодорожникам напоминает памятная доска».*

56. Памятная доска Батенко перед входом в вагонное депо.
Установлена в конце 1980-х гг. Фото мое

***1992 год.** Тот же Гайван дает волю своей неумной фантазии [12, стр. 54–55]:

Теперь у него Батенко не кондуктор, а **старший кондуктор**.

*Герой Гайвана «подложил мину на станции Мироновка под поезд с цистернами, который сгорел на перегоне Мироновка – Таганча. Батенко пустил под откос еще два эшелона, а на станции имени Тараса Шевченко за одни сутки **вывел из строя восемь путей и взорвал цистерну с бензином**. Так им было уничтожено **14 вражеских эшелонов**. Фашисты выследили отважного подпольщика, его однажды начали окружать враги. **Не имея возможности избежать ареста, Батенко взорвал мину. От взрыва погиб сам и враги, которые его окружали. Причинил значительный вред вражеским эшелонам, которые стояли рядом**.*

*Этот отважный коммунист под псевдонимом Батенко вошел как герой в книги о смелянском подполье. Через много лет после войны стало известным настоящее его имя. Это был **Б.Х. Зелинский**, который до войны работал секретарем по сельскому хозяйству Барановичского обкома партии Белоруссии. Почему и как попал в Смелу в водоворот войны? Это пока осталось тайной.*

Что память этого мужественного человека, благодарные смеляне установили памятную мраморную доску у входа в вагонное депо имени Тараса Шевченко, которая рассказывает об этом героическом подвиге».

***1995 год.** Гайван, как соавтор книги, почти дословно повторяет свои предыдущие выводы [14, стр. 20–21].

***1998 год.** Наш герой упоминается среди наиболее активных народных мстителей под начальным именем **Б. Батенко** [17, стр. 64].

*2011 год. Беренштейн, еще в 1993 году переехавший на постоянное жительство в Израиль, называет Бориса Батенко (Бориса Львовича Островского) **евреем из Барановичей**²⁵⁵.

Так создавалась легенда о герое-подпольщике из Бобринской.

Мои попытки раскрыть личность Батенко-Островского-Зелинского с помощью современных информационных ресурсов оказались бесплодными.

4. Мнимые подпольщики из Макеевки.

Темная история связана с группой жителей Макеевки [19, стр. 132–135].

В конце октября 1941 года у одного из макеевчан игралась свадьба. В самый разгар веселья сюда нагрянули немцы в сопровождении полицаев. Схвачены 8 человек. После допросов все задержанные были якобы расстреляны.

Истинная причина их ареста и казни была не совсем ясной. Таковой оставалась она и после войны, тем не менее однажды, решением районных властей, казненные были объявлены «подпольщиками».

Вопрос о том, на каких основаниях они стали «народными мстителями», оставался непонятным и не раз обсуждался на разных уровнях. В 1964 году состоялось специальное заседание парткома местного колхоза с приглашением сельского актива. После изучения вопроса партком пришел к выводу, что макеевских «героев» нельзя считать ни партизанами, ни подпольщиками, так как фактов их борьбы с фашистами установить не удалось. Они были, мол, арестованы как коммунисты и колхозные активисты. Этот вывод был передан на бюро Смелянского райкома, однако районный орган его не признал. Отдельным постановлением райкома партии Макеевку поправили: ваши люди, мол, всё же были партизанами и подпольщиками. Позже к загадочному делу возвращались еще не раз – в Смеле, в Черкассах и даже в Комитете партийного контроля при ЦК КПСС...

Последний раз наши персонажи «засветились» в 1996 году в Книге Памяти [15, стр. 346, 407]. Один из них, Селезень Марк Митрофанович, значится здесь как партизан, погибший 20 декабря 1941 года. Второй, Хижняк Николай Филиппович, записан младшим командиром, мобилизованным в 1941 году и погибшим в немецком плену в октябре того же года. Оба будто бы были похоронены в городе Новомиргороде Кировоградской области.

Что касается остальных шести «подпольщиков», то их следы безвозвратно затерялись уже вскоре после войны – в Макеевке не знали даже, где они были захоронены.

Описанная здесь история так и осталась неразгаданной...

Пропустив через фильтр здравого смысла имеющиеся источники, отбросив накопившийся в них всякий «мусор», выскажу некоторые общие соображения о сопротивлении моих земляков оккупантам.

1. Подполью и партизанскому движению не хватало организованности, порядка.

В нашей местности – в Смеле, на станции, в ближайших к ним селам, в окрестных лесах – действовали десятки подпольных групп и партизанских отрядов. Принято считать, что подпольем руководили коммунисты, а деятельность партизанских отрядов направлялась Украинским штабом партизанского движения. Это в некоторой степени справедливо лишь в отношении крупных отрядов – под командованием Дубового и Горячего. В массе же своей в движении сопротивления оккупантам преобладала стихийность, неразбериха, самодеятельность, практически отсутствовала координация действий отдельных отрядов...

Наглядный тому пример.

В октябре 1943 года несколько сравнительно небольших партизанских отрядов получили «приказ» Кировоградского подпольного обкома партии штурмом взять станцию Знаменку. Очень уж хотелось секретарю обкома и «руководящему подпольщику» проявить

²⁵⁵ Интервью Г. Лозинского, взятое в Израиле у Л.Ю. Беренштейна по случаю его 90-летия. [Живая легенда - МК Израиль](#).

себя и заслужить звание Героя Советского Союза [16, стр. 211]. Неподготовленная акция закончилась провалом. Партизаны истратили почти все боеприпасы и фактически стали безоружными. Неудача не охладила пыл «партийного руководства». К командиру холодноярского отряда Дубовому направлены посланцы. «Вы должны признать руководство со стороны обкома партии!» – потребовали представители тех, кто привык загребать жар чужими руками. Последовал решительный ответ командира: «Я никогда не слыхал о вашем подпольном обкоме, действиями моего отряда никто кроме Украинского штаба партизанского движения не руководил и руководить не будет!»

2. Хромала среди народных мстителей и дисциплина.

Помните, как Беренштейн самовольно убежал из отряда Дубового к десантникам Горячего да еще и увлек за собою группу «своих» людей? Случалось, переходил народ из других отрядов и к Дубовому.

А сколько было в поступках наших героев безрассудства, своевольтва, разгильдяйства!

Шел как-то вечером из Бобринской в Малую Яблоновку некий «подпольщик». Был ли он из наших односельчан или из тех, со стороны, которые во время оккупации, случалось, занимали свободные хаты, не знаю – помню только, что мама, рассказывая мне впоследствии подробности той истории, фамилию его не называла. Так вот, шел он по привычному для всех пути – вдоль железнодорожного полотна. Дошел до моста через нашу «канаву» и давай задирать добровольцев, которые стояли там на охране. То ли был пьяным, то ли по глупству своему, то ли по причине того и другого... «Что, стоим? Кому служите, продажные суки? Стойте, стойте, стоять осталось недолго! Расплата совсем близка!»

Когда стращавший скрылся, напуганные охранники об угрозах «партизана» донесли по команде.

Наутро в селе – повальный обыск. Полиция везде хватала взрослых мужчин и молодежь подряд. Всех выводили на улицы и группировали. Известие мгновенно разнеслось по селу. Братца моего Николая, хотя он был еще несовершеннолетним, родители во избежание худа спрятали в нашем тайном убежище под кроватью, а отец пошел к остановке рабочего поезда, «направляясь на работу». Дойти не успел, его выследили из соседского кукурузного поля и тоже задержали. Спас его аусвайс, документ, удостоверяющий, что он заводской рабочий и то, что он не прятался...

Конец этой истории плачевный: партизана-недотепу тоже выловили, он и его семья были расстреляны.

А вот еще одна иллюстрация моих слов [13, стр. 129–134; 16, стр. 90–95].

Дело было в декабре 1943 года. Трое партизан отряда Дубового посланы в разведку. Приказ: в течение дня собрать подробные данные о движении немецкой техники на ближайшей трассе и без промедления доставить их в отряд; действовать скрытно и ни в коем случае не вступать в столкновение с немцами. Боевое задание выполнено, стемнело – можно возвращаться.

Шли через село Косари. Голодные, промерзшие до костей... «Ой, хлопцы, посмотрите, это же хата моего кума! – обрадованно воскликнул Тимоха, указывая на одну из последних хат. В кумовьях у него ходили едва не все его приятели. – Зайдем на несколько минут, отогреемся и перекусим».

Бывший моряк Тимоха – фигура среди партизан колоритнейшая. Высоченный, с длинными руками, на вид нескладный и худой, но чрезвычайно сильный человек; буян, когда выпьет; отчаянный вояка – из тех, кому море по колено... С немцами у него были свои счеты, он их люто ненавидел и клялся друзьям никогда не возвращаться в отряд, не поспав на тот свет хотя бы одного фашиста...

Конечно, к «куму» заглянули. Тот стал уже готовить ужин, как вдруг на улице раздались крики, и во двор влетела подвода с немцами. Разведчики, схватив оружие, бросились из хаты. Двое – в окно, Тимоха – через сени. Ворвавшегося сюда немца он тут же пустил в расход, грохнув по голове винтовкой. Во дворе беспорядочная стрельба, взрывы гранат –

поднялся страшный переполох... Товарищи Тимохи схватились на подводе с другим немцем. Насмерть перепуганный, он неистово сопротивлялся и визжал как резанный... Во время подоспевший Тимоха вырубил гитлеровца одним ударом костлявого кулачища. «Поехали!» – прорычал он свирепым волком, связывая пленного. Уже через какую-то минуту кони «со всех копыт» несли разведчиков в сторону леса...

Вот и Грушковка... Навстречу – парни из местного партизанского отряда. «Куда, хлопцы?» – «Идем в разведку, надо взять „языка“!» – «Продаю своего!» – Тимоха широким жестом показал на лежавшего в подводе связанного немца. Он долго торговался с грушковцами, рассчитывая получить за пленного добрый магарыч. Наконец стороны столковались, и компания, волоча под руки немца, двинулась в хату, где предстоял окончательный «расчет». По всем понятиям, сделку требовалось обмыть...

В Грушковке холоднорыцы, естественно, «маленько» загостились...

Уже после полуночи около главного поста отряда в Холодном Яру разыгралась трагикомическая сцена.

Из темноты выплыла огромная фигура в шинели нараспашку. Это был наш Тимоха. Он размахивал немецким штык-ножом и угрожающе кричал: «Гитлера мне! И его зарежу!» На крик прибежал с несколькими партизанами дежурный по отряду. Все вместе набросились на «героя», отобрали винтовку, штык-нож и, повалив на землю, связали руки и ноги. Спустя недолгое время намаевшийся за последние сутки и обессиленный Тимоха уже храпел у костра...

Проступок Тимохи сошел ему с рук. Уважая необычайную храбрость и прошлые заслуги любимца партизан, дежурный Тимоху пожалел и о ночном инциденте командиру Дубовому не доложил...

А что же случилось с разведданными, добытыми разведчиками, спросит внимательный читатель?

Их якобы доставил в отряд младший из группы разведчиков, единственный, кто не принимал участия в попойке в Грушковке, 18-летний Тимко²⁵⁶. Понимаю, что в его рассказе, который здесь воспроизведен, многое выдуманно, однако атмосфера лихачества, бесшабашности, разгильдяйства среди партизан передана этим автором верно. Таких удальцов, как Тимоха, сам видел в родной хате.

3. О составе подполья и партизанских отрядов.

Костяк подполья и партизанских отрядов составляли прежде всего те, кто уже успел хлебнуть от немцев лиха: понюхавшие пороху и занесенные судьбою в наш край окруженцы; бывшие пленные и узники лагерей, которым удалось вырваться из рук фашистской неволи; десантники диверсионно-организаторских групп, забрасываемых в тыл Украинским штабом партизанского движения... Что касается местных жителей, то они обычно старались держаться ближе к дому и противиться оккупантам кто как мог. В лес уходили только в случаях, когда им, их семьям начинала грозить крайняя опасность...

Основную часть подпольщиков и лесных мстителей составлял народ в возрасте немногим более 20 лет. Тридцатилетние (главным образом руководители подполья, командиры отрядов) считались уже «стариками».

Немало среди борцов с оккупантами было и совсем юных ребят и подростков. Источники называют целый ряд фамилий: Вася Хильченко (Великая Яблонька), Ваня Лазаренко (Бобринская, Гречковка), Коля Негода²⁵⁷ (Бузуков), упомянутый выше Коля Тимко,

²⁵⁶ Тимко Николай Захарович (1925–?), продолжатель традиций первых партизанских сочинителей Беренштейна и Гончаря. Свои воспоминания [13, стр. 129–134; 16, стр. 90–95] составлял уже в преклонном возрасте – спустя более полувека после описываемых событий.

²⁵⁷ Негода Николай Феодосиевич (1928–2008), известный украинский поэт и писатель. После войны некоторое время работал редактором смелянской газеты «Червоный стяг».

Грицко Пискун (Гречковка), Толя Кондратенко (Гречковка), Ким Царьков, Толя Ткачук, Коля Печененко²⁵⁸ ...

Я часто встречался с этими юными партизанами на страницах источников, и никогда не задумывался о том, что кого-то из них мог видеть своими глазами... Однако недавно меня осенило: а ведь одного из них я знал лично – мы, оказывается, учились с ним в одной школе!

Вспоминаю школьный двор около переезда к главной проходной паровозовагоноремонтного завода. Я учился тогда во втором классе. Во время большой перемены масса учеников младших классов высыпала из основного школьного здания²⁵⁹ и всех близлежащих строений, где проводились занятия. Много переростков. Шум, гам, кутерьма, споры, а иногда и жестокие стычки – даже с поножовщиной. Помню худого, долговязого парня, которому досталось от какого-то отчаянного малыша. Последний перочинным ножом пырнул старшего в плечо, и тот потом недели две появлялся в школе с раненой, на перевязи, рукой...

Бывало, что среди разноликой публики младшекласников, появлялся и важничавший, в гимнастерочке, пацан. Его нельзя было не заметить: на груди у него поблескивала медаль «Партизану Великой Отечественной войны»... Его мы, конечно, отмечали, но не скажу, чтобы видели в нём что-то, выходящее за рамки обыденности...

Это был, уверен в этом, Ваня Лазаренко²⁶⁰!

4. О боевых потерях партизан и оккупантов.

Данные о потерях сторон в обсуждаемых здесь источниках непозволительно искажены, принимать их без критической оценки – только грешить против правды.

Посмотрите на результаты некоторых боев с оккупантами у Горчаря.

16 августа 1943 года. Потери противника (наступавшего при поддержке около полутора десятков танков и бронемашин, а также артиллерии) – только убитых около **180 человек**; каратели *«очищали лес от трупов почти два дня»*. Партизаны, действовавшие в условиях круговой обороны, теряют убитыми лишь **7 человек** [7, стр. 81–90].

26 октября 1943 года. Потери немцев – *«около 350 солдат и офицеров»*. У партизан убито **12 человек** [7, стр. 100].

5 января 1944 года. Наступающий неприятель – *«72 пехотная дивизия с приданными частями»*, усиленная танками, бронетранспортерами и тяжелой артиллерией. На поле боя гитлеровцы оставляют *«182 человека убитыми и еще больше ранеными»*; подбиты два танка. У партизан убитыми названы **9 человек** [7, стр. 196–198]...

Похожая картина исхода партизанских операций встречается и у других знакомых нам «писателей». И всюду – явно выраженная фальшь!

Историки хорошо знают: стороны вооруженных столкновений **всегда** потери противника и нанесенный ему ущерб не в меру завышают, свои же потери, наоборот, откровенно замалчивают и занижают. В донесениях, реляциях вражеские потери непременно больше собственных... **в разы, а то и в десятки раз!** Фальсифицировать итоги сражений в свою пользу повелось с давних времен, и так было везде!

²⁵⁸ Печененко Николай Фомич (1930–1987). Еще один партизанский фантазер.

О похождениях подростка Коли Печененко в свое время рассказал Гончарь. После выхода в 1978 году его первой книги [7] Печененко решил последовать примеру старшего товарища и также заняться литературным трудом. Взяв за основу рассказ Горчаря о партизанах-подростках [7, стр. 135–143, 210] он, щедро разбавив его «подробностями», публикует в 1984 году собственную книгу [9]. Труд сей (по аннотации «во многом» автобиографическую повесть) при ближайшем анализе оказывается типичным плодом художественного вымысла. Принимать его за документальный источник не представляется возможным.

Сведения о Печененко см. также в [13, стр. 168].

²⁵⁹ Позже в этом здании будет размещаться школа № 44, а затем № 16.

²⁶⁰ Сведения о нём содержатся в ряде источников [7, стр. 143; 8, стр. 138; 13, стр. 29–40, 91, 92, 93; 16, стр. 95–106].

Наших бойких, гораздых на выдумку, партизанских авторов, всех, кто оказался причастным к фабрикациям данных о потерях, можно понять: таковы традиции, таковы неписанные правила... Понять-то можно, но можно ли простить?

5. В сопротивление оккупантам было вовлечено подавляющее большинство смелянских жителей.

Каждый действовал, как мог. Одни лично совершали активные вредительства и диверсии, другие им помогали; третьи, не столь решительные, смельчаков покрывали...

Взять хотя бы нашу семью, ее ближайшее окружение и соседей.

– Уже не раз упоминавшийся выше наш родич **Леонид Ревенко** – известный боевой партизан, орденноносец.

В годы оккупации работал врачом в Смелянской больнице: лечил окруженцев; помогал медикаментами лесным мстителям; выручал подпольщиков, выдавая им фиктивные справки об освобождении от работы. В октябре 1943 года немцы пронюхали об этом и уже были готовы взять его под стражу. Тогда он, захватив с собой хирургические инструменты, перевязочные материалы и лекарства, ушел в лес – к партизанам, в отряд им. Пожарского. Партизанил сначала в нашей местности, а потом, в составе разведывательно-диверсионных групп, на территории Польши, Венгрии, Чехословакии. Служил в первую очередь врачом, но если было нужно, становился поваром, санитаром, брался и за оружие. Был награжден рядом орденов и медалей Советского Союза, Польши, Чехословакии.

Его имя встречается в целом ряде книг, посвященных партизанскому движению²⁶¹.

57. Партизаны отряда им. Пожарского. Л. Ревенко второй слева в верхнем ряду. Май 1944 г. Фото из книги Л. Беренштейна «Без виз и паспортов»

²⁶¹ См. Книгу II.

58. Л. Ревенко – врач разведывательно-диверсионной группы перед заброской в тыл врага. Май 1944г. Фото из моего архива

<p>1945 № 6 45</p> <p>Наградной лист № 69</p> <p>начальнику санитарной службы отряда им. Пожарского 3-го воздушно-десантного формирования (полковник, врач и полковник)</p>	
1. Фамилия, имя и отчество	Рябенко Леонид Яковлевич
2. К какой награде представляется	Орденом "Отечественной войны" 1 степени
3. Год рождения	1907 г.
4. Национальность	Украинец
5. Партийность	беспартийный
6. Когда поступил в армию	
7. Место вступления в армию	
8. Ранения и контузии	на войне
9. Был ли в плену или в окружении	на войне
10. Награды (дата Указа и Приказа)	
11. С какого года в армии	1930 г.
12. Образование: общее	военное
13. Место рождения	
14. Адрес постоянного местожительства и фамилия, имя, отчество родственников	
<p>Подробные изложения личного боевого подвига или заслуги представляемого в наградном листе</p> <p>В мае 1944 года в составе отряда в тыл противника в составе разведывательно-диверсионной группы командного состава на территории Польши. За время нахождения в отряде тов. Рябенко полностью обеспечил санитарно-профилактические мероприятия в отряде, лечение раненых бойцов в своей отделе и в других до 35 человек. Помогал медицинской помощи раненому населению в районах действия отряда до 20 человек. Участвовал в разгромах немецких хоз. постов в районе г. Гомеля 4 км. восточнее станция с. Ветляно 4-50 км. южнее /отриск Дольные/ Во время продвижения фронта 24.11.44 г. в районе с. Габуря /Чехословакия/ старшая мед. сестра помогала обеспечить медицинскую помощь раненых и до 15 человек вблизи с. поля боя.</p> <p>За проявленное мужество и героизм в борьбе против немецких захватчиков в тылу противника т. Ревенко достоин награждения орденом "Отечественной войны" 1 степени.</p>	
<p>НА ЧЛЕНА КОЛЛЕКТИВА НАГРАДНОГО ЛИСТА ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ</p> <p>И. Ревенко</p>	
<p>Подпись: <i>И. Ревенко</i></p>	
<p>1945 г.</p>	

59. Наградной лист с описанием боевого подвига начальника санитарной службы отряда им. Пожарского Ревенко Леонида Яковлевича²⁶². 12 июня 1945 г.

²⁶² <http://podvignaroda.ru/?#tab=navHome>

– *Братья Яков Матвеевич Ревенко*²⁶³ и *Иосиф Матвеевич Ревенко*²⁶⁴ – мои двоюродные дедушки.

После ухода Леонида Ревенко к партизанам немцы, пытаясь раскрыть связи населения с партизанами, устроили слежку за его отцом и другими Ревенками. Старый Яков должен был убраться из Смелы и прятаться по родственникам и надежным близким людям в Малой Яблоновке. Какое-то время его скрывал Иосиф, но и за его семьей тоже зорко следили. Как ни осторожничали Ревенки, местные полиция все же пронюхали: к Иосифу от партизан наведываются связные. Донесли немцам и подпольщика должны были вот-вот арестовать. О грозившей ему опасности успел предупредить... один из немцев! «Матка, твоего хозяина завтра утром будут цап-царап! – передал он Марии, жене Иосифа. – Бегите скорее, шнелле!» Такой вот маленький штрих к правде о войне.

Иосифу достали где-то костыли (он притворился немощным инвалидом), и семья тотчас же, на подводе, подалась из Малой Яблоновки на юг. Затаились у кого-то под Новомиргородом. Несколько месяцев «неходячий больной» не выходил из хаты приютивших их людей. Вернулись в родное село только после освобождения его Красной армией.

Что касается Якова, то он, после разоблачения брата, бежать вместе с ним из Малой Яблоновки не решился. Его тогда срочно перепрятали к кому-то из соседей Иосифа, однако затем, перед освобождением села, он в течение почти трех недель отсиживался уже у нас в семье...

– *Проживавшая в Гречковке семья моей двоюродной тети и крестной матери Анны Макаровны Левенец («Левенцевої Ганьки»).*

Глава семьи **Иван Степанович Левенец** принадлежал к породе людей ответственных, деятельных. Два его младших брата, Леонид и Алексей, сражались на фронте; еще один брат, Семен, стал видным участником винницкого подполья и героически погиб от рук гестаповцев, не выдав под пытками своих товарищей²⁶⁵. Знал ли Иван о судьбе своих братьев? Разговоров об этом в семье не помню. Да это и неважно. Важно другое: Иван, работая на станции в вагонном депо, не мог не примкнуть к здешнему разветвленному подполью.

Дочка Анны и Ивана, **Александра**, тоже не осталась в стороне от борьбы с врагом. Принимала участие в подготовке взрыва железнодорожного моста через Тясмин. Когда план задуманной диверсии провалился и полиция стала хватать в Гречковке подозреваемых, Александра убежала в Сунчанский лес к партизанам.

Что касается Ивана, то он продолжал оставаться дома и едва не поплатился жизнью за свою неосторожность.

В первый раз, когда его пришли арестовывать, он успел спрятаться в печи. Не раз после войны в наших семьях вспоминали этот случай, смакуя вид Ивана, который, когда опасность отступила, выползал из печи. Несчастный так вымазался в сажу и углях, что смахивал на самого черта.

В другой раз полиция так быстро обложили хату и проникли вовнутрь, что им оставалось только схватить и повязать «преступника». Но не тут-то было. Иван метнулся к окну, выпрыгнул во двор – и в огороды... Не ожидавшие такого поворота дела каратели опешили. Суматошная стрельба, открытая по беглецу, оказалась пустой: его проглотили густые заросли кукурузного поля...

²⁶³ Отец «дяди Лёни».

²⁶⁴ Уже упоминавшийся ранее мною «дядько Йосып».

²⁶⁵ В Гречковке его именем названа улица, на которой установлен памятный камень с мемориальной доской.

– *Подруга мамы и наша дальняя родственница Вера Семеновна Цьома*²⁶⁶. Активная участница подполья на станции.

Уроженка Малой Яблоновки, Вера во время оккупации квартировала в Гречковке (на окраине старой части села и недалеко от железнодорожной линии в сторону Знаменки – где-то рядом с кладбищем и знакомыми нам уже Левенцами). Работала заведующей станционным продовольственным магазином, в котором, как и в довоенное время, отоваривались железнодорожники. Располагался он в самом, можно сказать, центре станции – в нескольких десятках метров от вокзала и входа в вагонное депо.

И людный магазин, и хата, в которой Вера проживала в Гречковке, были удобными местами наблюдения за движением составов, для сбора сведений обо всём, что происходит на станции и в ее окрестностях. Они регулярно использовались местными подпольщиками и гостями из леса в качестве явочных помещений. Вера снабжала патриотов собранной информацией, выполняла функции связной, прятала в своих «закромах» оружие... Моя мама, которую Вера обслуживала в своем магазине, как свою подружку, без всякой очереди, «через черный ход», видела те «закрома» своими глазами.

Однажды, когда она находилась у Веры в ее магазине-складе, к той заглянули двое незнакомых мужчин. Молчат, переминаются с ноги на ногу – видно, озадачены. «Хлопці, та не бійтеся, це – своя! – кивает Вера на маму. – Забирайте свої цяцьки!» Парни – это, оказывается, были партизанские разведчики – пришли к Вере за оружием, которое они накануне засунули в стоящий в углу мешок с суррогатным чаем...

– *Уличные соседи – семья Александра Ивановича Зайченко*²⁶⁷.

Глава семьи Александр держал тесные связи с подпольем станции. За ним постоянно следили. Дочь его, уже знакомая нам Валя, вспоминала: малояблоновский староста Путько чуть ли не ежедневно под разными предлогами заявлялся к ним. «А чи не знайдеться у вас клаптя жовтої матерії на рукавну пов'язку? – такую повязку в селе носили полицаи. – Може пошукаєте?» Понятное дело: целью визита старосты была вовсе не тряпка. Путько и подручные полицаи подобным образом старались высмотреть в доме Зайченко что-то подозрительное – приглядывали за самим Александром, а заодно охотились и за одним из его родственников-коммунистов. Полицейские ищейки знали, что тот укрывается у кого-то на нашей улице, однако разоблачить подпольщиков так и не смогли...

– *Наша семья.*

В ряду участников сопротивления оккупантам мы были не последними. Держали связь с партизанами и оказывали им посильные услуги. Гости из окрестных лесов хорошо знали дорожку к нашей хате...

1943-й год. На фронтах наметился перелом в пользу Красной армии. Усиливается разложение среди добровольцев. Те из них, кто в карательных акциях против гражданского населения участия не принимал, а выполнял по службе лишь второстепенные функции, не прочь были переметнуться к партизанам.

К таким, видимо, относились «вояки», которые охраняли расположенный недалеко от нас «важный объект». Мы его называли простым словом «свинарник». Действительно, это был откормочный пункт для свиней, стоявший на отшибе, – на правом, высоком, берегу ручья Холодный²⁶⁸.

Вот история, как наши «свинари» уходили в лес.

К ним, разумеется, сначала были направлены посланцы от партизан. Какое отношение они имели к нашей семье, сейчас сказать я не могу, да и спросить уже некого... Но путь

²⁶⁶ О ней я уже рассказывал в Книге II (смотри стр. 38, 39, 134, 135, 137, 153).

²⁶⁷ См. позицию 10 на карте 4.

²⁶⁸ На краю пустого в то время поля за железнодорожной линией, занятого сейчас микрорайоном Богдана Хмельницкого, в начале нынешней улицы Лесной. По всей видимости, строения именно этой откормочной свинофермы виднеются на дальнем плане в середине снимка 52-2. Некоторое время после войны его остатки можно было еще видеть и, случалось, нас, мальчишек, туда иногда заносило.

их проходил именно через нас. Было их двое, и видел я их дважды. Первый раз мельком – когда они шли к добровольцам на «переговоры». Второй раз – когда они возвращались с «задания». В этот раз у нас они застряли надолго, и я имел возможность к ним присмотреться. Скорее всего, это были разведчики и отчаянные головы – из тех, которым всегда «море по колено».

Был поздний вечер. «Дело сделано, можно теперь и погулять!» – объявили парни, войдя в хату и выкладывая из карманов пистолеты и гранаты. – «Хлопці, може заховаєте свій скарб?» – не на шутку заволновались родители. – «А чего вы боитесь?» – Бедовым лесным ребятам, бывавшим во всяких переделках, понять домохозяев трудно. Они-то, если вдруг нагрянет полиция, может и отобьются, а что будет потом с нами, с семьей?

«Скарб» гостей всё же был припрятан во дворе. Оказать услугу им вызвался, помнится, мой братец Николай: оружие и гранаты он рассовал в соломенной крыше-навесе над погребом...

Пока на стол выставлялось угощение, парни принялись рассказывать: с добровольцами общий язык они нашли быстро – те уходят в лес завтра ночью, согласовали с ними и маршрут. Будут проходить вашей околицей, но вам, мол, тревожиться нечего: им наказано «не шуметь»...

Пошла «гульба»...

Когда тарелки опустели, и иссяк наш скромный запас наличного самогона, гости разгорячились: «А где здесь еще можно выпить?» «Вгамуйтеся, хлопці! Поблизу не вийде, а кудись йти небезпечно» – пытались их сдержать родители. Нет, ведите, и всё тут! Пришлось подчиниться. Огородами, а затем посадкой вдоль железной дороги добрались до хаты Петра Сокола²⁶⁹.

Загул продолжился. Герои вошли в кураж. Оружие уже не пряталось, самый лихой из них размахивал пистолетом и грозился расправиться с местными полициями. И в доказательство в потолок – бабах! Женщины, мама и Ганька «Соколы́ха», повиснув на плечах буяна, еле его успокоили...

В следующую ночь, уже под утро, добровольцы, собрав оружие, тихо снялись с места и направились к нашей Яблоновке... Проходя через переезд у Рабочего переуллка, решили заглянуть здесь к дежурному железнодорожного поста²⁷⁰. Но тут их поджидал сюрприз. Накануне на посту задержались и остались переночевать два немца. Нарушая уговор с партизанскими переговорщиками переходить в лес без разборок, немцев сразу же, на месте, прикончили – то ли чтобы избежать возможной стычки, то ли чтобы заслужить большее доверие у партизан. Чем обернулась эта выходка добровольцев для дежурного на посту и живущих вблизи наших людей, в памяти не отложилось. Могу сказать лишь, что наша семья тогда не пострадала...

6. Всеизвестная поэтическая фраза Ольги Берггольц «Никто не забыт, ничто не забыто», имеющая отношение к подвигу участников Великой Отечественной войны, – не-бесспорна.

Человек менее эмоциональный, чем поэт, рассудительный скажет: течение времени постепенно и неумолимо стирает в памяти всё и вся.

В связи с этим вспоминается курьёз, приключившийся с Верой Цьомой.

Празднование Дня Победы в Смеле с середины 1960-х годов проводилось обычно на новом, только что введенном в строй, стадионе «Локомотив». Ежегодно 9 мая сюда стекался

²⁶⁹ О семье этого друга юности моего отца я уже упоминал (смотри стр. 58).

²⁷⁰ Это тот самый пост, о котором говорилось при описании иллюстраций **52-1 – 52-3** (на стр. 106–109). Появился он, скорее всего, еще до Первой мировой войны, при строительстве железнодорожной линии Бобринская – Одесса и значился уже на топографических картах конца 1920-х годов (сокращенной надписью «каз», т.е. «казарма»). Пост представлял собою довольно значительное по размерам кирпичное строение со служебным и жилыми помещениями для железнодорожного персонала, мы же его называли просто – «Будка». Здание этой «Будки» на платформе «Хмельницкая» сохранилось до сих пор. Служебное назначение оно, правда, давно потеряло и используется лишь в качестве жилого дома.

народ из Смелы и ее окрестностей, в большинстве же своем ближайшие к стадиону жители – малояблоновцы. На праздник приглашались известные местные участники прошедшей войны; дорогие гости, имевшие отношение к нашему городу, приезжали даже из Киева...

Очередное торжество идет по сложившемуся порядку... К месту чествования просят пройти... Называются фамилии начальника штаба, а затем и командира, партизанского отряда им. Пожарского Леонида Ефимовича Беренштейна... врача отряда Леонида Яковлевича Ревенко (нашего «дяди Лёни»)... смелянской подпольщицы Веры Семеновны Цьомы...

«Тю! Верко, куди ти поперлась... яка ти підпільниця», – зашумели на трибуне. Недоумение малояблоновцев объяснимо. Они хорошо знали Веру лишь по долголетнему жительству после войны на нашей Первомайской улице у своей тетушки, «бабы Нестеренчихы», а также по работе заведующей хозяйственным блоком железнодорожной больницы на станции. Чем она занималась во время оккупации, уже почти никто не помнил...

В пору ее проживания у «бабы Насти» мы были очень близки с нею и дружили семьями. Я всегда присутствовал на общих семейных застольях (и у нас в хате, и у «бабы Насти») – должен был непременно тешить компанию игрой на аккордеоне. С Иваном, пасынком Веры, мы были одноклассниками и, занимаясь своими мальчишечьими делами, много времени проводили во дворе и в доме «Нестеренчихы». А надо мною и родной дочерью Веры, Жанной, старшие иногда даже подшучивали: «Жених и невеста!..» Словом, Веру я видел и слышал часто и при разных обстоятельствах. Однако за много лет тесной близости и соседства наших семей я никогда не слышал от Веры, чтобы она говорила что-либо о своем «героическом» прошлом. Никогда! То ли в силу своей природной скромности, то ли потому что считала свою «деятельность» в оккупации само собой разумеющейся и ничем не выдающейся.

О ее помощи партизанам я, наверное, так бы никогда и не узнал, если бы не воспоминания об этих страницах ее жизни моей матушки и дяди Лёни...

После «открытия» малояблоновской пубрики, касающегося Веры Цьомы, на празднике 9 мая, а еще более после того, как она стала одним из героев «повести о партизанских буднях» Леонида Бернштейна «Через черную топь», нашлись односельчане, которые стали вопрошать: «А чем мы хуже Верки? Мы ведь при немцах тоже не сидели сложа руки». Кое-кому из них, знаю, удалось обзавестись тогда свидетельствами о причастности к местному подполью и некоторым образом «восстановить справедливость». Из знакомых мне лиц соответствующие справки получили, кстати сказать, «дядько Йосып» и отец Вали Зайченко...

Конец истории Веры Цьомы оказался грустным.

Лето 2012 года. В тот отпускной сезон, собирая материалы для родословной нашей семьи, я много путешествовал по Смеле, соседним селам – бродил по кладбищам, изучал мемориальные места, общался с дальними родственниками, близкими... Посетив в очередной раз Гречковку, решил зайти в здешнюю школу – главный очаг культуры и памяти...

Директор, учителя, оказавшиеся на месте по случаю проведения какого-то мероприятия, принимали земляка и гостя из Москвы радушно. Ведь я заглянул сюда не с пустыми руками – подарил школе свое толстенное «Сказание о Смелянщине». Естественно, зашел разговор об истории. Зная, как в школах чтут память своих известных земляков²⁷¹, заинтересовался, можно ли познакомиться в школе с материалами о местных подпольщиках и партизанах, о которых писали партизанские авторы. Мне, в частности, хотелось уточнить, где в Гречковке во время оккупации проживала известная подпольщица Вера Цьома. Если верить Беренштейну, она тогда квартировала где-то недалеко от кладбища и железной доро-

²⁷¹ Небольшие музеи я видел во многих школах Смелы и района. В Терновке в 1997 году, помню, мне с гордостью показывали... целых четыре музея! «Краеведческий», «афганцев» и еще два каких-то...

ги [8, стр. 155–157] – по моим понятиям, в конце нынешней ул. Левенца, на которой проживали, да и сейчас проживают, и другие мои дальние родственники, то есть в каких-то двух сотнях метров от кладбища.

Ответ гречковских педагогов меня огорчил. Нет у них в школе ни музея, ни даже музейного уголка и, кто такая Вера Цьома, они понятия не имеют!!! Имя ее полностью забыто!

Выходит, что сегодня я – едва ли не единственный «хранитель памяти» Веры Семеновны. С некоторыми подробностями ее биографии мой читатель уже встречался в Книге II. А сейчас – небольшое дополнение.

К концу 1950-х годов она – брошенка. Гражданский муж Николай Цьома, гулена и бабник, найдя ей замену, предательски ее оставил – перебрался на квартиру на ул. Богдана Хмельницкого²⁷². По каким-то обстоятельствам должна была съехать с квартиры «бабы Насти» и Вера.

И начались ее мытарства.

Жанна, дочь Веры от первого, законного, брака, оказалась вовлеченной в религиозную секту; вышла замуж за штундиста²⁷³, родила двоих детей. Потом уехала на жительство в Иркутскую область и там родила еще четверых (у штундистов аборт запрещается). Вера очень переживала за дочку, пустилась к ней, в далекую Сибирь. Надеялась вырвать ее из окружения сектантов. Не удалось. Она вынуждена была вернуться в родную Смелу. Ей дали квартиру в доме, расположенном в районе нынешней школы № 3 («около пушки»): известную подпольщицу в городе тогда еще помнили. Со временем Жанна все же возвратилась на Украину, осела где-то под Львовом и, по слухам, стала даже «игуменьей» какого-то сектантского монастыря. Вера подалась и туда, снова пыталась спасти «заблудшую». И опять не получилось... Да, в последние свои годы этой женщине пришлось пережить не только забвение своего партизанского имени, но и горькие испытания...

Где Вера Семеновка закончила свой жизненный путь, в Смеле никто не знает. И это называется «Никто не забыт, ничто не забыто»?

А как судьба обошлась с ее спутником, Николаем Цьомой?

Архивные документы помогают прояснить странные и неизвестные ранее места его биографии.

Цьома Николай Григорьевич родился в 1913 г. в с. Плескачевке. В Красной Армии с осени 1935 г. Призывался Смелянским райвоенкоматом. Кадровый военный. Принимал участие в боевых действиях в Западной Украине 1939 г., финской кампании 1940 г. В Отечественной войне – с первого ее дня. С 14 июля 1942 года Цьома (в то время старший техник-лейтенант, помощник начальника по техчасти 138-й подвижной ремонтной базы боевых машин в составе автобронетанковых войск 12-й армии) числится пропавшим без вести в районе Новшахтинска Ростовской области. 30 ноября 1942 г. исключается из списков Красной армии.

Спустя некоторое время он снова в строю – занимает должность помощника командира 449-й отдельной автороты подвоза по технической части в составе 279-й стрелковой дивизии. С апреля 1943 г. участвует в ожесточенных оборонительных боях в Донбассе. Потом было освобождение Крыма, бои в Прибалтике... Свой боевой путь закончил уже капитаном и командиром вышеупомянутой 449-й автороты подвоза. С мая 1944 г. член ВКП(б). Кавалер орденов «Красная Звезда» и «Отечественная война» второй степени...

В наградных документах Цьома характеризуется как волевой командир, отличный организатор и технический специалист в области автотранспортного дела. Даже в походных и боевых условиях он организовывал реставрацию и изготовление сложных деталей, переделку трофейных автомашин, систематический профилактический ремонт техники. Благодаря его самоотверженной службе автотранспорт у него всегда был готов к работе в лю-

²⁷² Так улица называется в наше время. Какое она носила название вначале, не знаю: нынешнего микрорайона Богдана Хмельницкого тогда еще не было, а улица была единственной в том месте.

²⁷³ Последователя секты штунда.

бых условиях местности и боя. В войсках никогда не было перебоев в доставке боеприпасов, продовольствия и других материалов.

В 1947 году после демобилизации и возвращения в Смелу его назначают начальником городской автобазы. Отношения с законной супругой Татьяной, проживавшей на протяжении всего времени его нахождения в армии на Загребле²⁷⁴, были по неизвестной мне причине разорваны. Тогда-то, отобрав у нее сына Ивана, Николай Цьома и появляется «в приимах» у нашей Веры.

Умер Цьома в 1965 году – для его 52 лет слишком рано²⁷⁵. Хоронили его торжественно – как известного в городе руководителя и ветерана Великой Отечественной войны. Были речи, были венки от разных организаций...

Но спросите сегодня у любого жителя Смелы, даже весьма сведущего в недавней истории: кто такой был в Смеле Николай Григорьевич Цьома, где покоится его прах? Уверю, никто на эти вопросы не ответит. Уже в середине 90-х годов никто не мог сказать более того, что написано в Книге Памяти [15, стр. 418]: некий Цьома Николай Григорьевич, уроженец села Плескачевки, старший техник-лейтенант, пропал во время войны без вести. Всё – как в той песенке: «позабыт, позаброшен»!..

К концу жизни отвернулась судьба и от Леонида Ревенко. Некогда всеми и везде почитаемый подпольщик и партизан, кавалер многих наград, уважаемый не только у себя на родине, но и за границами, Леонид Яковлевич Ревенко на склоне лет официальными властями уже подзабыт. Скромная квартирка, простенькая обстановка и беспомощность, чувство одиночества и мучительная неизлечимая болезнь... Хоронили его 1 января 1983 года в узком кругу бывших сослуживцев и нескольких родичей. Погребен был он в Киеве, но на каком кладбище? Сейчас уже никто не вспомнит. Да и могила его, уверен, давно не существует...

В 1995 году, собирая материалы для будущего «Сказанья о Смелянщине», я несколько раз навещался в Черкасский областной краеведческий музей. В один из визитов, проходя мимо стендов, посвященных Великой Отечественной войне, замечаю знакомую, как мне показалось, фотографию. Присматриваюсь, читаю пояснительный текст... Действительно, – наш дядя Лёня! Рад встретиться, только вот инициалы у знатного партизана... перевернаны! Со времени его кончины прошел какой-то десяток лет, а уже такая нескладница. И это при довольно порядочном штате научных работников музея... Зову дежурную по залу, объясняю: «У вас здесь искажения в имени, я близкий родственник этого Ревенко и ошибиться не могу... Надо бы выправить...» Работница музея в ответ только развела руками: я, мол, ни при чём... Была ли устранена обнаруженная мною та ошибка, проверить мне потом не удалось...

Это еще куда ни шло. Есть примеры и вовсе несуразные и даже возмутительные.

В описаниях братских могил советских воинов и партизан Смелянского района, составленных солидными учеными-историками из Черкасс [20], искажено имя не какого-то рядового партизана, а самого командира партизанского отряда им. Пожарского. Он у них не Горячий Дмитро Филимонович, а «Горячий Дмитро **Пилипович**»²⁷⁶. Видимо, авторам было недосуг справиться об этом имени у Гончаря или Беренштейна...

А как относиться к данным тех же историков о том, что в братской могиле в центральном парке культуры и отдыха Смелы в 8 могилах захоронены «94 партизани із загону ім. Пожарського, які загинули під час визволення м. Сміли в січні 1944 року» [20]? При этом не приведено ни одной фамилии партизана!

Скажу прямо: сей пассаж – откровенное вранье! Отряд им. Пожарского, возглавляемый Д.Ф. Горячим, никакого участия в освобождении Смелы **не принимал!** Он ушел из Сме-

²⁷⁴ По адресу ул. Пивоварная, 7.

²⁷⁵ Причиной смерти, как я полагаю, была его бурная жизнь, неводержанность в употреблении спиртного и, как следствие, гипертоническая болезнь. Я помню его красноватого цвета лицо.

²⁷⁶ Это искажение неслучайно. Оно дважды встречается в описаниях братских могил Балаклеи (могилы в центре села и на общественном кладбище).

лянщины еще в первой половине ноября 1943 года, то есть за два с половиной месяца до освобождения города²⁷⁷! Вскоре после соединения отряда с частями Красной армии в районе села Свидовок²⁷⁸, он был переправлен на левый берег Днепра и расформирован.

Итак, согласимся: заветную фразу поэтессы Берггольц «Никто не забыт, ничто не забыто» следует воспринимать лишь условно – как эпитафию. Потому в нашей частной истории более уместными кажутся слова другого поэта:

Время стирает из памяти всё, что осталось нетленным,
Время стирает из памяти всё, что казалось святым...
И забывается прошлое – медленно и постепенно²⁷⁹ ...

И вправду...

Поначалу материал заражается «вирусом» – в него проникают (по недосмотру, невнимательности) мелкие неточности. Со временем они обрастают другими искажениями, заблуждения накапливаются и в конце концов всё отходит в область преданий и канет в небытие. Забвению предается всё: факты, события, знания о человеке...

Пора, однако, закругляться.

Увлечшись разбором источников, мне удалось просеять всю смесь содержащихся в них сведений, «в которых всякого жита по лопате», и выделить из нее полезный злак. В моем «Житии...» этому побочному исследованию и полученному продукту, строго говоря, не место. Тем не менее, сознавая, – что раз уж дело сделано, что такую изрядную работу вряд ли еще кто-то сподобится проделать в будущем, – результаты ее я решил сохранить.

Они приводятся в виде **Приложений № 1** и **№ 2** в конце труда. Собранные и поправленные мною персоналии подпольщиков и партизан Смелы и района, а также комментарии к ним, подтверждают: многое из истории оккупации давно ушло в область заблуждений, легенд и забвения...

То же можно сказать и в отношении истории смелянского лагеря для военнопленных, известном сейчас под названием шталаг 345.

²⁷⁷ Датой освобождения Смелы принято считать 29 января 1944 г.

²⁷⁸ Это случилось в середине ноября 1943 г. [3, стр. 60, 61].

²⁷⁹ Зинчук Елена Григорьевна, г. Ефремов Тульской обл.